

DOI: [10.14515/monitoring.2021.6.1889](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1889)



А. Д. Казун, А. В. Поршнеv

КТО ВЕРИТ В ТЕОРИИ ЗАГОВОРА? ФАКТОРЫ СКЛОННОСТИ К КОНСПИРОЛОГИЧЕСКОМУ МЫШЛЕНИЮ В РОССИИ, КАЗАХСТАНЕ И УКРАИНЕ

Правильная ссылка на статью:

Казун А. Д., Поршнеv А. В. Кто верит в теории заговора? Факторы склонности к конспирологическому мышлению в России, Казахстане и Украине // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 549—565. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1889>.

For citation:

Kazun A. D., Porshnev A. V. (2021) Who Believes in Conspiracy Theories? Factors Influencing Propensity for Conspiracy Thinking in Russia, Kazakhstan and Ukraine. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 549–565. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1889>. (In Russ.)

КТО ВЕРИТ В ТЕОРИИ ЗАГОВОРА? ФАКТОРЫ СКЛОННОСТИ К КОНСПИРО- ЛОГИЧЕСКОМУ МЫШЛЕНИЮ В РОС- СИИ, КАЗАХСТАНЕ И УКРАИНЕ

КАЗУН Анастасия Дмитриевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований, старший преподаватель факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: adkazun@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9633-2776>

ПОРШНЕВ Александр Валерьевич — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории социальной и когнитивной информатики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия; доцент кафедры общего и стратегического менеджмента, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Нижнем Новгороде, Нижний Новгород, Россия
E-MAIL: aporshnev@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0075-1061>

Аннотация. Конспирологическое мышление имеет значительное число негативных эффектов: снижает политическое участие и доверие к науке, ухудшает отношение к правительству, препятствует благоприятному и безопасному для здоровья поведению и т. д. Особенно остро проблема распространения теорий заговора встала в контексте пандемии COVID-19. По этой причине важно понимать, кто именно оказывается наиболее подвержен воздействию подобного контента.

WHO BELIEVES IN CONSPIRACY THE- ORIES? FACTORS INFLUENCING PRO- PENSITY FOR CONSPIRACY THINKING IN RUSSIA, KAZAKHSTAN AND UKRAINE

Anastasia D. KAZUN¹ — Cand. Sci. (Soc.), Senior Research Fellow at the Laboratory for Studies in Economic Sociology; Senior Lecturer at the Faculty of Social Sciences
E-MAIL: adkazun@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9633-2776>

Alexander V. PORSHNEV^{2,3} — Cand. Sci. (Psychol.), Senior Research Fellow at the Laboratory for Social and Cognitive Informatics; Associate Professor at the Department of General and Strategic Management
E-MAIL: aporshnev@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0075-1061>

¹ HSE University, Moscow, Russia

² HSE University in St. Petersburg, Saint Petersburg, Russia

³ HSE University in Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Abstract. Conspiracy thinking has a significant number of negative effects, namely: it reduces political participation and trust in science, worsens attitudes towards government, hinders safe behavior for health, etc. The issue of the spread of conspiracy theories has become especially acute in the context of the COVID-19 pandemic. Therefore, it is important to understand who is most affected by such content.

В данном исследовании на материалах трех стран — России, Казахстана и Украины — проанализированы факторы, влияющие на склонность к конспирологическому мышлению. Сбор данных проводился методом опроса пользователей социальных сетей Facebook и «ВКонтакте» в период с 13 апреля по 19 мая 2020 г. Сделан вывод, что наиболее подвержены теориям заговора люди с низкими уровнями образования, генерализованного доверия и одобрения действующей власти. Кроме того, большую предрасположенность к конспирологическому мышлению продемонстрировали более старшие респонденты. Влияние пола значимо в Украине и Казахстане: в этих странах мужчины менее подвержены теориям заговора. Интересно, что конспирологические убеждения более характерны для людей, получающих информацию преимущественно по телевидению; влияние потребления новостей из блогов и агрегаторов оказалось обратным.

Ключевые слова: конспирология, теории заговора, медиапотребление, генерализованное доверие, лояльность власти

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (РНФ), грант № 19-18-00206.

Введение

Конспирологическое мышление, то есть склонность объяснять сложные мировые события со ссылкой на секретную информацию, скрываемую влиятельными группами [Imhoff, Bruder, 2014], — достаточно распространенное явление. Отдельные исследования показывают, что около половины населения США [Oliver, Wood, 2014a] и Италии [Mancosu, Vassallo, Vezzoni, 2017] верят по крайней мере в одну теорию заговора. На фоне пандемии COVID-19 популярность конспирологических теорий, равно как и внимание исследователей к этой проблеме, только

This study analyzes the factors influencing the propensity for conspiracy thinking based on materials from three countries — Russia, Kazakhstan, and Ukraine. The data was collected by polling users of social networks Facebook and VKontakte in April 13 — May 19, 2020. The authors conclude that people with a low level of education, generalized trust, and approval of the current government are most susceptible to conspiracy theories. In addition, older respondents showed a greater predisposition to conspiracy thinking. The influence of gender turned out to be significant in Ukraine and Kazakhstan, where men are less susceptible to conspiracy theories, but not in Russia. Interestingly, the conspiracy beliefs are more typical for people who receive information mainly from TV channels, while the impact of consuming news from blogs and aggregators is the opposite.

Keywords: conspiracy theories, media consumption, generalized trust, loyalty

Acknowledgments. The study was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 19-18-00206.

увеличивается (см., например, [Jovančević, Milićević, 2020; Kowalski et al., 2020; Oleksy et al., 2021]). Возникновение вируса связывается с вышками 5G, интересами различных стран (США, Китая), групп интересов (фармакологические компании), отдельных людей (Билл Гейтс). Можно предположить, что значительная часть человечества верит в какие-либо теории заговора. Например, недавнее исследование «Левада-Центра» показало, что 64 % россиян убеждены в искусственном происхождении коронавируса и его создании как биологического оружия¹.

Значимость изучения факторов, усиливающих или снижающих веру в конспирологические теории, в первую очередь связана с многочисленными негативными эффектами подобных убеждений. Конспирологическое мышление часто провоцирует неблагоприятное для здоровья поведение [Oliver, Wood, 2014b], в числе прочего оно может снижать вероятность вакцинации [Jolley, Douglas, 2014; Kata, 2010], приводить к возникновению скептического отношения к профилактическим мерам предотвращения распространения заболеваний [Bird, Bogart, 2005]. Социальные и политические последствия веры в теории заговора также серьезны: ухудшение отношения к правительству [Allport, Lepkin, 1945], снижение политического участия [Jolley, Douglas, 2013] и доверия к науке [van der Linden, 2015]. Все эти риски делают необходимым поиск ответов на вопросы о том, кем являются люди, обладающие склонностью к конспирологическому мышлению. Предшествующие исследования указывают, что нередко люди верят сразу в несколько теорий заговора, в том числе противоречащих друг другу [Wood, Douglas, Sutton, 2012]. Конспирологические убеждения распределяются в обществе неравномерно: часть населения, вероятнее всего, будет верить в широкий спектр заговоров, тогда как другая часть будет убеждена в ложности подобных идей.

Хотя распространение теорий заговора в том или ином виде изучается уже достаточно продолжительное время [Porper, 1966; Moscovici, 1987], однозначные ответы на многие вопросы до сих пор не найдены. В числе прочего не хватает сравнительных исследований в данной области. Кроме того, спорной является роль отдельных факторов. Дополнительную сложность данному исследовательскому полю придает изначальная междисциплинарность объекта: распространение теорий заговора изучают психологи, социологи и политологи. Сами оценки подверженности конспирологическому мышлению могут также выполняться различным образом — в привязке к отдельному событию (например, вера в конкретные теории заговора в отношении COVID-19) или в целом (как склонность к определенному способу восприятия информации). Каждый из этих подходов имеет свои преимущества и ограничения. Поэтому они хорошо дополняют друг друга. В настоящем исследовании мы приняли решение рассматривать веру в теории заговора вне связи с конкретными кейсами, как склонность к определенному способу восприятия информации (как это делается, например, в статьях [Brotherton, French, Pickering, 2013; Bruder et al., 2013]).

Далее рассмотрим факторы, влияющие на предрасположенность к конспирологическому мышлению в трех постсоветских странах — России, Украине и Казахстане.

¹ Коронавирус: вакцина и происхождение вируса // Левада-Центр. 2021. 1 марта. URL: <https://www.levada.ru/2021/03/01/koronavirus-vaktsina-i-proishozhdenie-virusa/> (дата обращения: 03.12.2021) (данный материал создан и распространен российским юридическим лицом, выполняющим функции иностранного агента).

Конспирологическое мышление: причины и факторы

Исследования показывают, что теории заговора могут возникать вокруг разнообразных событий [Leman, 2007]: убийств национальных лидеров [McCauley, Jacques, 1979; McHoskey, 1995], терактов [Fenster, 2008; Swami, Chamorro-Premuzic, Furnham, 2010], возникновения заболеваний — ВИЧ и СПИДа [Bogart, Thorburn, 2006; Parsons et al., 1999], вируса Зика [Klofstad et al., 2019] и COVID-19 [Ahmed et al., 2020]. Объединяет все эти события их негативный для людей характер и риски, которые с ними связаны. Было отмечено, что одной из причин распространения конспирологических убеждений является потеря людьми чувства определенности и контроля над ситуацией [Sullivan, Landau, Rothschild, 2010; Whitson, Galinsky, 2008]. Стремясь воссоздать для себя упорядоченную картину реальности, они обращаются в том числе к непроверенной информации, выбирая те объяснения происходящего, которые соответствуют их предшествующим убеждениям [Plencner, 2014]. По некоторым оценкам, популярность теорий заговора также может быть связана с распространением популизма, в том числе в свете того, что политики-популисты нередко используют в своих выступлениях конспирологические нарративы [Bergmann, 2018]. Так или иначе, ключевой причиной распространения подобных идей является неполнота или неубедительность официальной информации, что вынуждает население обращаться к альтернативным источникам сведений о происходящем. Теории заговора предоставляют простые ответы на не имеющие ответов вопросы [Grzesiak-Feldman, 2013], позволяя людям объяснить негативные события [Dillinger, 2004] и отчасти восстановить чувство безопасности [Bale, 2007; Leman, 2007].

Логично, что не все обладают одинаковой склонностью к конспирологическому мышлению. Исследователи выделяют индивидуальные и социальные факторы, способные оказывать влияние на подверженность теориям заговора. Если обратиться к психологическим исследованиям, мы увидим, что конспирологическое мышление более характерно для людей с высоким уровнем тревожности [Grzesiak-Feldman, 2013] и низкой самооценкой [Abalakina-Paap et al., 1999; Swami et al., 2011], а развитые аналитические способности снижают подверженность теориям заговора [Swami et al., 2014]. Все эти выводы хорошо соотносятся с самой природой конспирологических убеждений.

Кроме того, предшествующие исследования продемонстрировали влияние разнообразных социальных факторов на склонность к конспирологическому мышлению. Значимым является уровень образования: более образованные люди реже верят в теории заговора [van Prooijen, 2017]. Определенную роль играет и социальный статус. В частности, конспирологические теории популярнее в менее влиятельных социальных группах, примерами которых могут служить национальные меньшинства и люди, принадлежащие к нижним социальным слоям [Stempel, Hargrove, Stempel, 2007]. Усиливает склонность к конспирологическому мышлению и религиозность [Mancosu, Vassallo, Vezzoni, 2017], тогда как влияние возраста на веру в теории заговора не столь однозначно. С одной стороны, в случае с вирусом Зика наблюдалось большее доверие к конспирологическим теориям со стороны молодых людей [Klofstad et al., 2019]. С другой — отдельные исследования указывают, что вера в теории заговора более характерна для людей

старшего возраста [van Prooijen, 2017]. Можно предположить, что влияние данного фактора различно в зависимости от рассматриваемого кейса.

Имеет значение и идеология. Так, наиболее склонны доверять теориям заговора люди, принадлежащие к краям политического спектра [van Prooijen, Krouwel, Pollet, 2015]. Впрочем, другие исследования отмечают, что такое поведение характерно только для крайне правых, но не для крайне левых [Mancosu, Vassallo, Vezzoni, 2017]. Кроме того, конспирологические убеждения свойственны людям с низким уровнем политического доверия [Einstein, Glick, 2015; Mancosu, Vassallo, Vezzoni, 2017]. Можно предположить, что низкое доверие власти способствует скептическому отношению к официальной информации, заставляя обращаться к альтернативным и зачастую непроверенным источникам. Это косвенно подтверждается наблюдением, что конспирологическое мышление более характерно для людей, потребляющих информацию из «несерьезных» медиа, таких как блоги и глянцево-журналы [Stempel, Hargrove, Stempel, 2007]. В отношении генерализированного доверия наблюдаются аналогичные закономерности: низкий уровень данного показателя способствовал более высокой убежденности в теориях заговора в отношении коронавируса SARS-CoV-2 [Jovančević, Miličević, 2020; Oosterhoff, Palmer, 2020].

Методология исследования

Данные для настоящего исследования были получены в ходе опроса пользователей социальных сетей «ВКонтакте» и Facebook. Сбор данных проводился в период с 13 апреля по 19 мая 2020 г. с помощью специально разработанных приложений для социальной сети «ВКонтакте» и сайта, на который перенаправлялись пользователи Facebook². Для привлечения участников использовались рекламные инструменты рассматриваемых социальных сетей. Поскольку алгоритмы показа рекламы в социальных сетях не публикуются и могли давать смещение в представленности разных слоев общества, в процессе сбора данных проводился мониторинг ответов респондентов на социально-демографические вопросы и по достижении намеченных квот (соответствующих целевому значению 900 человек из каждой страны и распределению аудитории социальной сети по полу, возрасту и региону) рекламные объявления, нацеленные на данную категорию респондентов, закрывались.

Сбор данных осуществлен в соответствии с распределениями по регионам, полу и возрасту аудиторий «ВКонтакте» и Facebook в России, Украине, Казахстане. В социальной сети «ВКонтакте» всего было показано 4 687 456 объявлений, в Facebook — 402 241. В приложение или на сайт исследования перешли 44 600 пользователей обеих сетей. Из них 30 702 человека начали принимать участие в исследовании, а 10 830 завершили его.

Стоит отметить, что некоторые группы оказались перепредставлены, поэтому для подмножества валидных анкет была дополнительно выполнена балансировка, чтобы каждая из выборок соответствовала своей генеральной совокупности (аудитории социальной сети) по полу, возрасту и региону. Для балансировки исполь-

² Авторы благодарят разработчика приложения «ВКонтакте» и отдельно стоящего сайта Максима Александровича Терпиловского, а также Ядвигу Эдуардовну Синявскую и Викторину Сергеевну Взятышеву за помощь в сборе данных.

зовались укрупненные регионы: семь федеральных округов в РФ и по четыре обоснованных исследованиями региона в Казахстане и Украине. Крым, Донецкую и Луганскую области пришлось исключить из анализа как по техническим, так и по методологическим причинам. В процессе балансировки из регионов, представленных большим количеством участников, случайным образом было отобрано такое количество респондентов, чтобы не наблюдалось значимых различий распределений по возрасту, полу, региону среди аудитории социальной сети по сравнению с распределениями среди участников исследования. Значимость определялась по критерию Хи-квадрат. Кроме того, из анализа были исключены анкеты, содержащие неполную информацию (ошибки записи в базу данных при отключении мобильного интернета и т. д.) или включающие несоответствующие друг другу ответы на вопросы (например, участник указывает возраст 36 лет и выбирает категорию «Учусь в школе»). В результате число анкет сократилось с 10 380 до 8 559. Таким образом были получены шесть наборов данных (по две социальных сети для каждой из трех стран), каждый из которых содержит более 500 анкет (см. табл. 1).

Таблица 1. Размеры выборок исследования (социальная сеть/страна)

Страна — Социальная сеть	Всего	Доля (%)
Казахстан — Facebook	904	10,5
Казахстан — ВКонтакте	913	10,6
Россия — Facebook	2076	24,2
Россия — ВКонтакте	1810	21,1
Украина — Facebook	2286	26,7
Украина — ВКонтакте	570*	6,6

* Небольшое число респондентов связано с запретом социальной сети «ВКонтакте» для жителей Украины.

В исследовании мы анализируем факторы, влияющие на склонность к конспирологическому мышлению. Данная переменная была сконструирована как среднее значение между согласием³ со следующими утверждениями: «За странными и непонятными событиями всегда стоят интересы правительств или теневых групп», «Официальные объяснения событий всегда дальше от правды, чем альтернативные». Вопросы были переведены и адаптированы из шкалы, предложенной Аной Стоянов и Джамин Хальберштадт [Stojanov, Halberstadt, 2019]. Расчет коэффициента альфа Кронбаха показал, что вопросы демонстрируют достаточный уровень надежности в России ($\alpha = 0,74$) и Казахстане ($\alpha = 0,72$) (см. табл. 2, в которой представлены данные о числе респондентов, среднем значении шкалы, ее стандартном отклонении, асимметрии (скошенности), эксцессе (пикообразности), стандартной ошибке и коэффициенте альфа Кронбаха). Для Украины коэффициент оказался ниже ($\alpha = 0,66$), поэтому к анализу результатов, полученных для данной страны, следует относиться с осторожностью. Анализ коэффициентов

³ Согласие измерялось по шкале Ликерта от 1 («Абсолютно не согласен») до 5 («Абсолютно согласен»).

асимметрии и эксцесса показывает, что распределение ответов по рассчитанной шкале отличается от нормального, а значит, не стоит чрезмерно полагаться на приведенные в таблице 2 значения среднего.

Таблица 2. **Описательная статистика для шкалы конспиратологического мышления**

Страна	N	Mean	SD	Skew	Kurtosis	Std. Alpha
Казахстан	1817	3,57	1,21	-0,53	-0,74	0,72
Россия	3886	3,31	1,20	-0,24	-0,98	0,74
Украина	2856	3,69	1,11	-0,64	-0,40	0,66

Далее приведем основную информацию относительно переменных, которые будут использоваться в качестве зависимых в регрессионном анализе.

Социально-демографические переменные

В среднем по выборке наблюдается преобладание женщин над мужчинами (на 8,3%). При этом возрастное распределение скошено влево — в сторону младших возрастных групп. Впрочем, это смещение более характерно для сети «ВКонтакте», так как аудитория Facebook в среднем старше на 7,6 года. Респонденты от 65 лет и старше в нашем исследовании не таргетировались. Большинство опрошенных имеет высшее (55,6%) или среднее профессиональное (21,1%) образование без значимых отличий по странам. Но среди аудитории Facebook высшее образование встречается на 21,2% чаще, чем во «ВКонтакте». Собранные данные соответствуют демографическим и региональным квотам, составленным для каждой страны и платформы в соответствии с распределениями по генеральной совокупности каждого случая.

Характеристики медиапотребления

Основным источником информации для респондентов во всех странах стали социальные сети (70,5%), далее следуют новостные агрегаторы (46,6%) и телевидение (42,7%). Впрочем, у украинских респондентов телевидение стоит на втором месте (46,9%), а новостные агрегаторы — на третьем (36,3%). Говоря о частоте просмотра новостей, пользователи из России и Казахстана чаще всего отмечают, что проверяют новости несколько раз в день (34,7% и 34,0% соответственно). 29,0% респондентов из Украины отметили, что смотрят новости чаще одного раза в день, и 29,8% — каждый день. Никогда не читают новости в России — 6,0%, в Казахстане — 6,3%, в Украине — 7,4%.

Генерализированное доверие

В рамках изучения генерализированного доверия респонденты должны были указать, насколько они согласны (по шкале от 1 — «Абсолютно не согласен» до 5 — «Абсолютно согласен») со следующими утверждениями: «Большинство людей старается помогать друг другу», «Большинству людей можно доверять», «Большинство людей использовали бы меня, если бы могли».

Среди пользователей разных платформ обнаружены существенные различия в генерализированном доверии: аудитория Facebook чаще соглашалась с высказыванием о возможности доверять большинству людей (53 % — Facebook, 43 % — «ВКонтакте») и с утверждением, что большинство старается помогать друг другу (28 % — Facebook, 19 % — «ВКонтакте»). При этом пользователи Facebook чаще выражают несогласие с тем, что большинство использовали бы их, если бы могли (28 % — Facebook, 21 % — «ВКонтакте»). Таким образом, аудитория этой социальной сети демонстрирует несколько более высокий уровень генерализированного доверия. Кроме того, с высказываниями о доверии большинству людей и взаимопомощи среди большинства чаще соглашались женщины (27 % и 53 % — женщины, 21 % и 43 % — мужчины соответственно). Существенных различий в ответах на вопросы о генерализированном доверии среди респондентов из разных стран выявлено не было.

Интерес к политике и лояльность власти

Интерес к политике (по шкале от 1 — «Очень интересуюсь» до 4 — «Совсем не интересуюсь») варьируется в зависимости от пола респондентов: 62 % мужчин и 42 % женщин выражали некоторую заинтересованность в данном вопросе. «Совсем не интересуются» политикой 18 % женщин и 8 % мужчин. Кроме того, интерес к политике в Казахстане (53 %) и Украине (52 %) выше, чем в России (49 %). Среди рассмотренных стран Россия также выделяется наибольшей долей респондентов, декларирующих полное отсутствие интереса к подобным вопросам (15 %). Для сравнения — в Казахстане таким образом отвечают 12 % опрошенных, в Украине — 11 %. Также обнаружены различия среди пользователей разных платформ: 56 % участников из Facebook и 44 % из «ВКонтакте» проявляют интерес к политике.

Для измерения лояльности респондентов действующей власти задавался вопрос «Насколько в целом Вы одобряете политику руководства Вашей страны?». Лояльность к правительству во всех рассмотренных странах оказалась низкой: в целом 63 % людей были в разной степени недовольны своим правительством, из которых более половины декларировали крайнее недовольство. Наибольший процент респондентов, не одобряющих политику руководства страны, выявлен в Украине (68 %).

Анализ

Распространенность конспирологического мышления

Склонность к конспирологическому мышлению достаточно распространена (см. табл. 3): более половины респондентов в каждой из стран выразили ту или иную степень согласия с тем, что за странными событиями стоят интересы правительств и теневых групп, а также с тем, что альтернативные объяснения событий ближе к истине, чем официальные. Таким образом, высокая доля людей, по крайней мере отчасти разделяющих конспирологические убеждения, которая была отмечена ранее для США и Италии, наблюдается и в рассмотренных нами государствах. Вместе с тем есть и некоторые межстрановые различия. Так, согласие с утверждениями, направленными на выявление конспирологических убеждений, в России несколько ниже, чем в Казахстане и Украине.

Таблица 3. Распределение ответов на вопросы конспирологического мышления по странам*

<i>За иностранными и непонятными событиями всегда стоят интересы правительств или теневых групп</i>						
		1	2	3	4	5
Казахстан	N	166	323	67	690	571
	%	9,1	17,7	3,6	37,9	31,4
Россия	N	315	954	187	1521	909
	%	8,1	24,6	4,8	39,1	23,3
Украина	N	194	463	109	1207	883
	%	6,7	16,2	3,8	42,2	30,9
<i>Официальные объяснения событий всегда дальше от правды, чем альтернативные</i>						
		1	2	3	4	5
Казахстан	N	221	379	62	596	559
	%	12,1	20,8	3,4	32,8	30,7
Россия	N	503	1165	160	1259	799
	%	12,4	29,9	4,1	32,4	20,5
Украина	N	253	544	86	1083	890
	%	8,8	19,0	3,0	37,9	31,1

* По шкале, где 1 — «Абсолютно не согласен», а 5 — «Абсолютно согласен».

Факторы конспирологического мышления

Большая часть выделенных в предыдущих исследованиях факторов, влияющих на конспирологическое мышление, значимы и в случае рассмотренных нами стран (см. табл. 4). Сами различия в моделях для России, Украины и Казахстана невелики. Следовательно, можно говорить о наличии некоторых социально-демографических характеристик, которые стабильно способствуют конспирологическому мышлению в различных государствах.

Поскольку развитые аналитические способности снижают подверженность конспирологическим идеям [Swami et al., 2014], логично, что наблюдается обратная зависимость между уровнем образования и склонностью доверять теориям заговора: более образованные люди менее подвержены конспирологическим убеждениям. Так, наличие ученой степени снижает склонность к конспирологическому мышлению в России и Украине, аналогичная закономерность наблюдается в отношении россиян, которые имеют высшее образование или получают его в настоящее время.

Респонденты, лояльные действующей власти, менее склонны к конспирологическому мышлению. Кроме того, закономерно значимым оказывается уровень доверия. Респонденты, которые полагали, что другим людям можно доверять, демонстрировали меньшую склонность к конспирологическому мышлению. Верно и обратное: согласие с тезисом «большинство людей использовали бы

меня, если бы могли» усиливает веру в теории заговора. Вероятно, значимая роль генерализированного доверия отчасти обуславливается характеристиками людей, демонстрирующих высокое значение данного показателя. Большему уровню доверия способствует вовлеченность в информационные потоки (использование интернета, чтение газет), а также высокие оценки субъективного благосостояния [Волченко, 2014]. Исходя из предшествующих исследований, можно ожидать, что использование разнообразных медиа и уровень благосостояния будут снижать веру в теории заговора.

Хотя в литературе нет однозначного ответа на вопрос о том, повышает или снижает возраст респондента склонность к конспирологическому мышлению, на наших данных для всех трех стран мы получаем схожие результаты: более старшие респонденты демонстрируют большую склонность доверять теориям заговора. Вероятно, направление связи в данном случае действительно будет различаться в зависимости от рассматриваемого кейса. Поскольку для всех трех стран мы использовали одинаковую методологию измерения склонности к конспирологическому мышлению, а задаваемые вопросы были общими и не относились к конкретным событиям (которые могли бы по-разному интерпретироваться в зависимости от государства), полученные нами результаты оказались стабильными. Менее однозначные результаты получены в отношении такого параметра, как пол. Сделанный ранее вывод о большей предрасположенности женщин к конспирологическому мышлению [Oliver, Wood, 2014a] воспроизводится только в случае Украины и Казахстана, тогда как в России влияние пола незначимо.

Таблица 4. Факторы конспирологического мышления (зависимая переменная — среднее согласие с утверждениями «За странными и непонятными событиями всегда стоят интересы правительств или теневых групп» и «Официальные объяснения событий всегда дальше от правды, чем альтернативные»)

Предикторы	Россия		Украина		Казахстан	
	std. Beta	p	std. Beta	p	std. Beta	p
Возраст	0,081	<0,001	0,074	0,001	0,072	0,013
Социальная сеть «ВКонтакте»	0,223	<0,001	-0,026	0,630	0,108	0,054
Мужской пол	-0,005	0,891	-0,130	0,002	-0,114	0,030
Образование: окончил(-а) техникум, колледж, ПТУ	-0,044	0,571	0,100	0,301	0,032	0,767
Образование: обучение в университете/институте	-0,367	<0,001	-0,208	0,137	-0,028	0,848
Образование: высшее	-0,188	0,010	-0,154	0,096	-0,102	0,309
Образование: ученая степень	-0,357	0,001	-0,383	0,020	-0,138	0,402
Образование: другое	0,079	0,404	0,125	0,266	0,023	0,855

	Россия		Украина		Казахстан	
	<i>std. Beta</i>	<i>p</i>	<i>std. Beta</i>	<i>p</i>	<i>std. Beta</i>	<i>p</i>
<i>Предикторы</i>						
Источник новостей: телевидение	0,075	<0,001	0,051	0,015	0,075	0,004
Источник новостей: блоги	-0,055	0,002	-0,072	0,001	0,019	0,443
Источник новостей: агрегаторы	-0,082	<0,001	-0,122	<0,001	-0,066	0,011
Большинство людей старается помогать друг другу	-0,041	0,035	0,021	0,343	0,037	0,176
Большинству людей можно доверять	-0,046	0,016	-0,059	0,008	-0,070	0,011
Большинство людей использовали бы меня, если бы могли	0,137	<0,001	0,091	<0,001	0,118	<0,001
Лояльность к власти	-0,103	<0,001	-0,100	<0,001	-0,206	<0,001
Интерес к политике	-0,004	0,846	-0,017	0,447	-0,078	0,003
N	3114		2298		1467	
R ² / R ² adjusted	0,107 / 0,102		0,089 / 0,082		0,093 / 0,083	

Вразрез с результатами предшествующих исследований идут только оценки роли медиа в формировании конспирологического мышления. В противовес работам, доказывающим, что вера в теории заговора более свойственна аудитории блогосферы [Stempel, Hargrove, Stempel, 2007], мы видим, что в рассмотренных странах получение новостей из телевизионных программ повышает склонность к конспирологическому мышлению. В то же время использование блогов в качестве информационного ресурса снижает склонность к конспирологическим убеждениям в России и Украине, а обращение к новостным агрегаторам — во всех рассмотренных государствах. Таким образом, потребление новостей в интернете в данном случае не повышает, а снижает доверие теориям заговора. Подобные закономерности могут быть связаны с особенностями медиасистем постсоветских государств.

Заключение

Согласно результатам нашего исследования, наиболее подвержены конспирологическому мышлению люди с низким уровнем образования, генерализированного доверия и одобрения действующей власти. Это соотносится с результатами предшествующих исследований, отмечающих, что вера в теории заговора негативно связана с развитием аналитических способностей, уровнем образования [van Prooijen, 2017; Swami et al., 2014] и политического доверия [Einstein, Glick, 2015; Mancosu, Vassallo, Vezzoni, 2017]. Наши результаты еще раз подтверждают, что конспирологическое мышление возникает в ситуации, когда люди не одобряют

действия руководства страны и, как следствие, сомневаются в объективности и полноте официальной информации.

Кроме того, исследование подтвердило влияние возраста на склонность к доверию теориям заговора: более старшие респонденты демонстрировали большую предрасположенность к конспирологическому мышлению. В то же время влияние пола оказалось значимым только в случае Украины и Казахстана. Таким образом, наши результаты не полностью подтверждают выявленную ранее [Oliver, Wood, 2014a] большую склонность женщин к конспирологическому мышлению.

Наиболее интересным представляется вывод о том, что конспирологические убеждения более характерны для людей, получающих информацию преимущественно из телевизионных каналов. Влияние потребления новостей из блогов и агрегаторов оказывается обратным. Возможно, наблюдаемые закономерности объясняются особенностями медиасистем в рассмотренных странах. Информация из блогов уже может быть альтернативой официальным новостям, поэтому обращаться к теориям заговора потребности не возникает.

Данное исследование имеет ряд ограничений и может быть в дальнейшем расширено и дополнено. Так, при измерении склонности к конспирологическому мышлению в рассматриваемых странах с целью обеспечения сопоставимости результатов использовались одинаковые вопросы. Вместе с тем, возможно, имело бы смысл скорректировать формулировки с учетом странового контекста. Для более глубокого понимания ситуации в Украине и Казахстане представляется разумным проведение детальных национальных исследований и возможная корректировка инструментария. Кроме того, важно подчеркнуть, что в данном случае мы рассматриваем склонность к конспирологическому исследованию в целом, а не веру в те или иные теории заговора в отношении конкретного события. Хорошим дополнением для нашего исследования мог бы стать анализ отдельных кейсов распространения конспирологических убеждений (например, вера в различные теории заговора в отношении COVID-19). Также важно отметить, что мы оставляем за скобками этой работы неоднородность самих теорий заговора, которые могут достаточно сильно различаться между собой по форме [Brotherton, French, Pickering, 2013]. Это упущение представляется оправданным и не влияющим на полученные результаты, поскольку мы не рассматриваем конкретные кейсы. Однако в дальнейших работах имеет смысл принимать во внимание, что различные группы населения могут быть более подвержены тем или иным типам теорий заговора. Например, популисты охотно верят и транслируют убежденность в том, что элитные группы в своих интересах скрывают какую-либо информацию, однако они не склонны верить в заговоры об организациях, наносящих ущерб здоровью и благополучию людей [Silva, Vegetti, Littvay, 2017].

Таким образом, перспективными направлениями для дальнейших исследований конспирологического мышления представляются следующие:

- 1) анализ распространения теорий заговора в случае конкретного события;
- 2) разработка и корректировка шкал, направленных на оценку конспирологического мышления, для России и других государств;
- 3) типологизация популярных в России теорий заговора.

Список литературы (References)

- Волченко О. В. Доверие как продукт вовлеченности в информационные потоки // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 4. С. 128—140. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2014.4.08>.
- Volchenko O. V. (2014) Trust as a Product of Involvement in Information Flows. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 128—140. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2014.4.08>. (In Russ.)
- Abalakina-Paap M., Stephan W. G., Craig T., Gregory W. L. (1999) Beliefs in Conspiracies. *Political Psychology*. Vol. 20. No. 3. P. 637—647. <https://doi.org/10.1111/0162-895X.00160>.
- Ahmed W., Vidal-Alaball J., Downing J., Lopez Seguí F. (2020) COVID-19 and the 5G Conspiracy Theory: Social Network Analysis of Twitter Data. *Journal of Medical Internet Research*. Vol. 22. No. 5. <https://doi.org/10.2196/19458>.
- Allport F. H., Lepkin M. (1945) Wartime Rumors of Waste and Special Privilege: Why Some People Believe Them. *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. Vol. 40. No. 1. P. 3—36. <https://doi.org/10.1037/h0058110>.
- Bale J. M. (2007) Political Paranoia v. Political Realism: On Distinguishing between Bogus Conspiracy Theories and Genuine Conspiratorial Politics. *Patterns of Prejudice*. Vol. 41. No. 1. P. 45—60. <https://doi.org/10.1080/00313220601118751>.
- Bergmann E. (2018) *Conspiracy & Populism: The Politics of Misinformation*. Cham: Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-90359-0>.
- Bird S. T., Bogart L. M. (2005) Conspiracy Beliefs about HIV/AIDS and Birth Control among African Americans: Implications for the Prevention of HIV, Other STIs, and Unintended Pregnancy. *Journal of Social Issues*. Vol. 61. No. 1. P. 109—126. <https://doi.org/10.1111/j.0022-4537.2005.00396.x>.
- Bogart L. M., Thorburn S. (2006) Relationship of African Americans' Sociodemographic Characteristics to Belief in Conspiracies about HIV/AIDS and Birth Control. *Journal of the National Medical Association*. Vol. 98. No. 7. P. 1144—1150.
- Bruder M., Haffke P., Neave N., Nouripanah N., Imhoff R. (2013) Measuring Individual Differences in Generic Beliefs in Conspiracy Theories Across Cultures: Conspiracy Mentality Questionnaire. *Frontiers in Psychology*. Vol. 4. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2013.00225>.
- Brotherton R., French C. C., Pickering A. D. (2013) Measuring Belief in Conspiracy Theories: The Generic Conspiracist Beliefs Scale. *Frontiers in Psychology*. Vol. 4. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2013.00279>.
- Dillinger J. (2004) Terrorists and Witches: Popular Ideas of Evil in the Early Modern Period. *History of European Ideas*. Vol. 30. No. 2. P. 167—182. <https://doi.org/10.1016/j.histeuroideas.2004.03.001>.

Einstein K., Glick D. (2015) Do I Think BLS Data are BS? The Consequences of Conspiracy Theories. *Political Behavior*. Vol. 37. No. 3. P. 679—701. <https://doi.org/10.1007/s11109-014-9287-z>.

Fenster M. (2008) *Conspiracy Theories: Secrecy and Power in American Culture*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press.

Grzesiak-Feldman M. (2013) The Effect of High-Anxiety Situations on Conspiracy Thinking. *Current Psychology*. Vol. 32. No. 1. P. 100—118. <https://doi.org/10.1007/s12144-013-9165-6>.

Imhoff R., Bruder M. (2014) Speaking (Un-)Truth to Power: Conspiracy Mentality as a Generalised Political Attitude. *European Journal of Personality*. Vol. 28. No. 1. P. 25—43. <https://doi.org/10.1002/per.1930>.

Jolley D., Douglas K. M. (2013) The Social Consequences of Conspiracism: Exposure to Conspiracy Theories Decreases Intentions to Engage in Politics and to Reduce One's Carbon Footprint. *The British Journal of Psychology*. Vol. 105. No. 1. P. 35—56. <https://doi.org/10.1111/bjop.12018>.

Jolley D., Douglas K. M. (2014) The Effects of Anti-Vaccine Conspiracy Theories on Vaccination Intentions. *PLoS One*. Vol. 9. No. 2. <http://dx.doi.org/10.1371/journal.pone.0089177>.

Jovančević A., Miličević N. (2020) Optimism-Pessimism, Conspiracy Theories and General Trust as Factors Contributing to COVID-19 Related Behavior — A Cross-Cultural Study. *Personality and Individual Differences*. Vol. 167. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.110216>.

Kata A. (2010) A Postmodern Pandora's Box: Anti-Vaccination Information on the Internet. *Vaccine*. Vol. 28. No. 7. P. 1709—1716. <http://dx.doi.org/10.1016/j.vaccine.2009.12.022>.

Klofstad C. A., Uscinski J. E., Connolly J. M., West J. P. (2019) What Drives People to Believe in Zika Conspiracy Theories? *Palgrave Communications*. Vol. 5. No. 1. P. 1—8. <https://doi.org/10.1057/s41599-019-0243-8>.

Kowalski J., Marchlewska M., Molendab Z., Górska P., Gawęda Ł. (2020) Adherence to Safety and Self-Isolation Guidelines, Conspiracy and Paranoia-Like Beliefs during COVID-19 Pandemic in Poland — Associations and Moderators. *Psychiatry Research*. Vol. 294. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2020.113540>.

Leman P. (2007) The Born Conspiracy. *New Scientist*. Vol. 195. No. 2612. P. 35—37. [https://doi.org/10.1016/S0262-4079\(07\)61774-6](https://doi.org/10.1016/S0262-4079(07)61774-6).

Mancosu M., Vassallo S., Vezzoni C. (2017) Believing in Conspiracy Theories: Evidence from an Exploratory Analysis of Italian Survey Data. *South European Society and Politics*. Vol. 22. No. 3. P. 327—344. <https://doi.org/10.1080/13608746.2017.1359894>.

McCauley C., Jacques S. (1979) The Popularity of Conspiracy Theories of Presidential Assassination: A Bayesian Analysis. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 37. No. 5. P. 637—644. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.37.5.637>.

McHoskey J. W. (1995) Case Closed? On the John F. Kennedy Assassination: Biased Assimilation of Evidence and Attitude Polarization. *Basic and Applied Social Psychology*. Vol. 17. No. 3. P. 395—409. https://doi.org/10.1207/s15324834basp1703_7.

Moscovici S. (1987) The Conspiracy Mentality. In: Graumann C. F., Moscovici S. (eds.) *Changing Conceptions of Conspiracy*. New York, NY: Springer. P. 151—169. https://doi.org/10.1007/978-1-4612-4618-3_9.

Oleksy T., Wnuk A., Maison D., Łyś A. (2021) Content Matters. Different Predictors and Social Consequences of General and Government-Related Conspiracy Theories on COVID-19. *Personality and Individual Differences*. Vol. 168. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.110289>.

Oliver J. E., Wood T. J. (2014a) Conspiracy Theories and the Paranoid Style(s) of Mass Opinion. *American Journal of Political Science*. Vol. 58. No. 4. P. 952—966. <https://doi.org/10.1111/ajps.12084>.

Oliver J. E., Wood T. J. (2014b) Medical Conspiracy Theories and Health Behaviors in the United States. *JAMA Internal Medicine*. Vol. 174. No. 5. P. 817—818. <http://dx.doi.org/10.1001/jamainternmed.2014.190>.

Oosterhoff B., Palmer C. A. (2020) Psychological Correlates of News Monitoring, Social Distancing, Disinfecting, and Hoarding Behaviors among US Adolescents during the COVID-19 Pandemic. *PsyArXiv*. March 23rd. <https://doi.org/10.31234/osf.io/rpcy4>.

Parsons S., Simmons W., Shinhoster F., Kilburn J. (1999) A Test of the Gapevine: An Empirical Examination of Conspiracy Theories among African Americans. *Sociological Spectrum*. Vol. 19. No. 2. P. 201—222. <https://doi.org/10.1080/027321799280235>.

Plencner A. (2014) Critical Thinking and the Challenges of Internet. *Communication Today*. Vol. 5. No. 2. P. 4—19.

Popper K. (1966) *The Open Society and Its Enemies*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Silva B. C., Vegetti F., Littvay L. (2017) The Elite Is Up to Something: Exploring the Relation between Populism and Belief in Conspiracy Theories. *Swiss Political Science Review*. Vol. 23. No. 4. P. 423—443. <https://doi.org/10.1111/spsr.12270>.

Stojanov A., Halberstadt J. (2019) The Conspiracy Mentality Scale: Distinguishing Between Irrational and Rational Suspicion. *Social Psychology*. Vol. 50. No. 4. P. 215—232. <https://doi.org/10.1027/1864-9335/a000381>.

Stempel C., Hargrove T., Stempel G. H. (2007) Media Use, Social Structure, and Belief in 9/11 Conspiracy Theories. *Journalism & Mass Communication Quarterly*. Vol. 84. No. 2. P. 353—372. <https://doi.org/10.1177/107769900708400210>.

Sullivan D., Landau M. J., Rothschild Z. K. (2010) An Existential Function of Enemyship: Evidence That People Attribute Influence to Personal and Political Enemies to Compensate for Threats to Control. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 98. No. 3. P. 434—449. <https://doi.org/10.1037/a0017457>.

Swami V., Chamorro-Premuzic T., Furnham A. (2010) Unanswered Questions: A Preliminary Investigation of Personality and Individual Difference Predictors of 9/11 Conspiracist Beliefs. *Applied Cognitive Psychology*. Vol. 24. No. 6. P. 749—761. <https://doi.org/10.1002/acp.1583>.

Swami V., Coles R., Stieger S., Pietschnig J., Furnham A., Rehim Sh., Voracek M. (2011) Conspiracist Ideation in Britain and Austria: Evidence of a Monological Belief System and Associations between Individual Psychological Differences and Real-World and Fictitious Conspiracy Theories. *British Journal of Psychology*. Vol. 102. No. 3. P. 443—463. <http://dx.doi.org/10.1111/j.2044-8295.2010.02004.x>.

Swami V., Voracek M., Stieger S., Tran U. S., Furnham A. (2014) Analytic Thinking Reduces Belief in Conspiracy Theories. *Cognition*. Vol. 133. No. 3. P. 572—585. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2014.08.006>.

van der Linden S. (2015) The Conspiracy-Effect: Exposure to Conspiracy Theories (about Global Warming) Decreases Pro-Social Behavior and Science Acceptance. *Personality and Individual Differences*. Vol. 87. P. 171—173. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2015.07.045>.

van Prooijen J.-W. (2017) Why Education Predicts Decreased Belief in Conspiracy Theories. *Applied Cognitive Psychology*. Vol. 31. No. 1. P. 50—58. <https://doi.org/10.1002/acp.3301>.

van Prooijen J.-W., Krouwel A. P. M., Pollet T. V. (2015) Political Extremism Predicts Belief in Conspiracy Theories. *Social Psychological and Personality Science*. Vol. 6. No. 5. P. 570—578. <https://doi.org/10.1177/1948550614567356>.

Whitson J. A., Galinsky A. D. (2008) Lacking Control Increases Illusory Pattern Perception. *Science*. Vol. 322. No. 5898. P. 115—117. <https://doi.org/10.1126/science.1159845>.

Wood M. J., Douglas K. M., Sutton R. M. (2012) Dead and Alive: Beliefs in Contradictory Conspiracy Theories. *Social Psychological and Personality Science*. Vol. 3. No. 6. P. 767—773. <https://doi.org/10.1177/1948550611434786>.